

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности.....	7
Введение.....	11

ЧАСТЬ I. НИКАКОЙ МАГИИ

Возрождение из пепла поражения, 1945 — начало 1950-х

1. Из врагов в друзья: Оккупация Германии и Японии союзными войсками.....	27
2. Создатели чуда: (Вос)создание коллективного капитализма.....	60

ЧАСТЬ II. СОТВОРЕНИЕ ЧУДА

1950–1973

3. Чудеса производства I: Альтернативные системы Форда.....	91
4. Чудеса производства II: От скромных ремесленников до лидеров мирового бизнеса.....	119
5. Чудеса потребления.....	143
6. Чудеса экспорта.....	167

ЧАСТЬ III. НЕ УПУСТИТЬ ЧУДО

1973–1989

7. Плоды созидания.....	203
8. Призраки прошлого.....	230
9. Хрупкие преимущества. Борьба с валютными и нефтяными кризисами.....	268

ЧАСТЬ IV. НА ВОЛНАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1990 — настоящее время

10. Построение бизнеса на основных рынках: Продажи и производство в США и Китае	299
11. Перестройка по окончании холодной войны	337
12. Шок нового столетия: Три кризиса (и угроза еще одного)	371
 Заключение	 399

БЛАГОДАРНОСТИ

Эту книгу я хотел написать давно. Идея начала формироваться во время сдачи экзаменов на докторскую степень в Университете штата Огайо, где профессора Алан Бейерчен, Джеймс Бартоломью, Мэнсел Блэкфорд и Джун Фуллмер курировали изучение истории Германии, истории Японии, истории бизнеса и истории науки и техники соответственно. Я благодарен им за руководство и поддержку на экзамене, а также за постоянный интерес, который Алан Бейерчен с тех пор проявлял к моей карьере. Материалы, использованные для подготовки к экзаменам, легли в основу моих исследований и, более того, преподавательской практики: за последние десятилетия я читал варианты сравнительного курса о развитии в XX веке национальных систем инноваций в Германии, Японии и США сотням студентов в Соединенных Штатах и Великобритании. И все это время думал о написании этой книги.

Я рад, что благодаря обращению агентства Peters Fraser + Dunlop (PFD) у меня наконец появилась возможность это сделать. Тесса Дэвид и другие сотрудники PFD (в последнее время это была Лори Робертсон, которая сменила Тессу в середине 2020 года) тесно сотрудничали

со мной в разработке и доработке подробного предложения по книге, за что я им очень благодарен.

Наши усилия окупились, когда предложение было принято Издательством Кембриджского университета после положительных, а также чрезвычайно полезных отзывов двух анонимных рецензентов. Майкл Уотсон, глава отдела коммерческих публикаций издательства, руководил этим процессом, давал прекрасные советы и отзывы о рукописи по мере ее подготовки. Я хотел бы поблагодарить его и его команду, а также рецензента предпоследнего варианта рукописи, который я представил в декабре 2022 года; его бесценные комментарии и небольшие исправления я постарался включить в окончательную версию книги, затем тщательно отредактированную Стивеном Холтом, которому я очень благодарен.

Для работы над книгой я воспользовался годичным творческим отпуском, сделав перерыв в преподавании экономической и социальной истории в Университете Глазго, что позволило мне завершить ее в срок. Кристин Лесли, администратор Центра истории бизнеса в Шотландии, на протяжении этого времени оказывала неоценимую долгосрочную поддержку в управлении центром и его финансами. Выражаю ей глубокую благодарность. Ряд коллег и друзей также предоставили важнейшие отзывы по плану книги, черновикам рукописи и/или идеям по поводу этого проекта. В частности, спасибо Филлипсу О'Брайену, Нилу Роллингсу, Крису Миллеру, Джеффу Фэру, Нилу Маккензи, Хью Мерфи, Брайану Линну, Ральфу Бэнкену, Валерио Черретано, Шону Ванатте, Джонатану Стоуксу, Николасу Стоуксу, Дональду Макиннону, Луису Джойнеру, Фреду Хэю и Дэвиду Ганну, а также моему покойному коллеге Стивену Сэмбруку, помогавшему в написании книги.

Однако самую глубокую благодарность я хочу выразить своей жене Анне, которая с начала проекта и до подготовки окончательного варианта рукописи не только давала

полезные комментарии и высказывала критические суждения, но и редактировала многочисленные черновики для придания им стиля и ясности. Я посвящаю эту книгу ей — с любовью, признательностью и благодарностью.

ВВЕДЕНИЕ

Самые обычные места могут стать свидетелями революционных перемен.

14 апреля 1978 года на холмах округа Уэстморленд, штат Пенсильвания, недалеко от Питтсбурга, первый Volkswagen Rabbit сошел с недавно построенного конвейера немецкого производителя. Автомобиль простого белого цвета, разработанный в соответствии с экологическими нормами и требованиями безопасности для американского рынка, был представлен толпе из примерно 1000 высокопоставленных персон и рабочих, включая губернатора штата Милтона Шаппа. К нему на трибуне присоединился Тони Шмюкер, генеральный директор Volkswagen AG, прилетевший из штаб-квартиры компании в немецком Вольфсбурге. Первый Rabbit американского завода остановился на золотом ковре, где сотрудник защелкнул последнюю деталь — пластиковую решетку радиатора. Вскоре автомобиль был отправлен в музей VW в Германии. Шмюкер же с гордостью объявил: «Сегодня Volkswagen становится пятым американским автопроизводителем».

Четыре с небольшим года спустя, в ноябре 1982 года, первая Honda североамериканского производства, скромная

на вид Accord грифельно-серого цвета, появилась на новом заводе японского автопроизводителя, построенном на кукурузных полях под Мэрисвиллом, недалеко от Колумбуса, столицы штата Огайо. Церемония, на которой был представлен первый японский автомобиль, выпущенный в Соединенных Штатах, была скромной. В ней участвовали лишь несколько высокопоставленных гостей компании, а также местные менеджеры и работники завода. В соответствии с традициями Среднего Запада музыкальное сопровождение обеспечил маршевый оркестр местной школы. И, в отличие от первого Rabbit, отправленного в штаб-квартиру VW в Германии, первый Accord из Мэрисвилла остался в США и впоследствии был передан в музей Генри Форда в Детройте.

Заводы VW и Honda стали, соответственно, первым и вторым предприятиями зарубежных автопроизводителей, открывшимися в США после 1931 года, когда Rolls-Royce закрыл свой завод в Спрингфилде, штат Массачусетс. Они положили начало длившемуся не одно десятилетие завоеванию американского рынка иностранными автокомпаниями, прежде всего немецкими и японскими, в условиях нефтяного кризиса 1970-х годов, глобализации торговли и технологий и постоянной конкуренции за иностранные инвестиции между штатами США.

Однако два самых поразительных аспекта заключались в том, откуда пришли эти компании и что это означало. Ведь чуть более чем за поколение до того, как VW и Honda начали выпускать автомобили в Соединенных Штатах, Германия и Япония лежали поверженные и опустошенные, их население сильно сократилось, а экономика была уничтожена в результате мировой войны, которую они безрассудно развязали и вчистую проиграли.

Будущее Volkswagen в 1945 году казалось неопределенным; его ставший впоследствии культовым «Жук» (модель Beetle) еще не производился, хотя довоенная разработка этого автомобиля стала одним из символов безграничных

амбиций Третьего рейха, якобы свидетельствовавших о превосходстве «арийской» расы над всеми остальными. До и во время войны компания почти не выпускала автомобили, но заводские здания и оборудование были практически новыми. Поэтому VW мог стать потенциальной целью для репрессивной политики союзников в период оккупации. Японской же Honda, напротив, в 1945 году до производства автомобилей было еще далеко: первый появился лишь в 1963 году, спустя почти два десятилетия после окончания Второй мировой войны. Во время конфликта основатель Honda пытался выпускать поршневые кольца, но потерпел неудачу; а сразу после окончания войны он был занят разработкой прототипа скромного мотоцикла, который ему затем удалось запустить в производство.

Удручающее будущее после 1945 года ждало, казалось, не только автомобильную промышленность двух побежденных стран. Действительно, до конца 1940-х годов мало было промышленных секторов, где можно было рассчитывать на серьезное восстановление; оно могло начаться только после того, как будут решены проблемы с инфраструктурой, жильем и обеспечением населения предметами первой необходимости. Тем не менее уже к 1960 году Федеративная Республика (Западная) Германия, образованная в 1949 году, занимала второе место в капиталистическом мире по размеру экономики, а Япония — пятое. Более того, обе страны прошли путь от изгоев до верных союзников мирового политического, экономического и технологического лидера — Соединенных Штатов. Отношения с США оставались основополагающим фактором и в последующие десятилетия, когда обе страны сохранили, а в случае Японии — существенно улучшили свои позиции среди ведущих экономик мира. В 2020 году Япония и Германия занимали, соответственно, третье и четвертое места в мире по размеру валового внутреннего продукта (ВВП), уступая Соединенным Штатам и Китаю и опережая Индию и Великобританию.

А ВВП на душу населения у них был еще более впечатляющим в сравнении с большинством других крупных экономик.

Чем же объясняются эти масштабные, быстрые и последовательные преобразования и почему среди всех стран именно Германия и Япония смогли столь эффективно их осуществить? На эти вопросы и отвечает книга «Фениксы мировой экономики». Во-первых, в ней анализируются шаги основных действующих лиц из государственного и частного секторов, которые занимались реализацией западногерманского и японского экономического чуда в 1950-е годы и развитием этих стран в последующие десятилетия; во-вторых, эти национальные события рассматриваются в международном политическом и экономическом контексте. Такой подход позволяет описать, как эффективная комбинация из искусно применявшихся государственных мер, действенной промышленной политики, недискриминационных трудовых отношений, ключевых компаний и фундаментальных технологий способствовала экономическому подъему этих двух стран на фоне послевоенного роста международной торговли и глобализации. Все вместе эти факторы легли в основу впечатляющего перехода Deutschland AG и Japan Incorporated к мировому экономическому лидерству в послевоенный период.

* * *

Германия и Япония расположены практически на противоположных сторонах земного шара, их языки и история кардинально различаются. Германия имеет небольшую морскую границу и практически не имеет естественных. Этим во многом объясняются радикальные изменения ее политических границ с момента объединения Германии в 1871 году и вплоть до 1990 года. Особенно заметно отсутствие естественных рубежей в равнинной, в основном

песчаной Пруссии — королевстве, вокруг которого образовалась Германская империя. Этим также в значительной степени объясняется и стремление Германии укрепить в последующие десятилетия свою военную мощь, и вытекающую из такой политики постоянную угрозу войны, поскольку опоздавшая к разделу мира империя пыталась найти свое «место под солнцем» через завоевание заморских колоний.

Что касается Японии, то это островное государство, которое пыталось изолироваться от любого внешнего влияния более двух с половиной столетий, с начала XVII века. Эпоха изоляции внезапно закончилась в 1850-х годах, когда Япония сдалась под напором западных стран, угрожавших ей вторжением. Избежать его удалось, подписав явно под принуждением унижительные «неравноправные договоры». После этого главной целью стала отмена этих договоров за счет воплощения в жизнь лозунга новой японской правящей элиты: «Богатая нация, сильная армия». Новые правители пришли к власти в результате революции, замаскированной под «Реставрацию Мэйдзи», которая изменила политику, экономику, бизнес и технологии островного государства. Однако политические границы Японских островов не претерпели существенных изменений ни в этот период потрясений, ни в дальнейшем.

Несмотря на явные различия между Германией и Японией, военная элита в обеих странах оказывала нездоровое влияние на политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Они переживали серьезную социальную напряженность, связанную с быстрой индустриализацией. По этим и другим причинам лидеры обеих стран были готовы вступить в войну, чтобы реализовать свои амбиции.

В 1914 году, пребывая в плену ужасной иллюзии, что Германия быстро одержит победу, рейх втянул союзные ему Центральные державы в войну, что привело к их поражению в 1918 году. Третий рейх Адольфа Гитлера попытался повторить столь же идиотский поступок в 1939 году — с еще

более катастрофическими последствиями. Большинство людей рассматривают эти войны как два совершенно разных конфликта. Некоторые, однако, включая Уинстона Черчилля, характеризовали их как два события одного явления — Второй тридцатилетней войны (хотя это, конечно, европоцентристская концепция). По их мнению, как и первая Тридцатилетняя война, длившаяся с 1618 по 1648 год, это была единая эпоха борьбы, перемежавшейся мирными периодами и сопровождавшейся сменой союзов. Она привела к опустошению Центральной Европы и появлению на ее окраинах двух мощных держав: в 1648 году триумфаторами оказались Франция и Россия, а в 1945 году — Соединенные Штаты и Советский Союз.

В свою очередь, Японская империя в 1937 году вступила в войну с Китаем, а затем — с большинством других своих ближайших соседей (в основном бывших колониями западных держав), что привело к дерзкому нападению на американский флот в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 года. Неудивительно, что в ответ Соединенные Штаты объявили Японии войну. Таким образом, напав на Пёрл-Харбор, Япония пошла ва-банк в конфликте, победить в котором должна была более крупная, богатая и лучше вооруженная страна. Это относится и к Германии, которая объявила войну Соединенным Штатам вскоре после Пёрл-Харбора, в результате чего конфликт превратился в поистине глобальный.

Итак, Германия и Япония спровоцировали Вторую мировую войну и потерпели в ней поражение. После же окончания войны экономики обеих стран показали впечатляющие результаты. Но роднит их не только это. Например, если говорить об экономическом развитии, в них достаточно поздно началась индустриализация (в Японии еще позже, чем в Германии). Это означает, что они могли перенять опыт государств, ставших лидерами этого процесса, — прежде всего Великобритании, а также стран Бенилюкса, части Франции и, в случае Японии, — Германии и США. Вместе

с тем им пришлось следовать путем догоняющего развития, особенно в таких сферах, как технологии, финансы и организация производства.

Еще одна особенность, характерная как для Германии, так и для Японии, — ограниченный доступ к природным ресурсам, за исключением обильных запасов воды. Конечно, в Германии также имелся высококачественный уголь, особенно в Рурском районе. Но ни немцы, ни японцы не обладали достаточным количеством железной руды, хлопка и многих других сырьевых товаров, имевших важное значение во время первой промышленной революции. А когда в начале XX века наступила эпоха нефти, необходимой как для оборонной промышленности, так и для массовой автомобилизации, быстро стало очевидно, что у обеих стран практически нет собственных запасов. Это, к их большому разочарованию, было окончательно подтверждено в ходе интенсивных (и очень дорогих) геологоразведочных работ в 1930-е годы.

Конечно, нехватку некоторых важнейших природных ресурсов на внутреннем рынке испытывали не только Германия и Япония, но и другие проводившие индустриализацию страны. Фактически только Соединенные Штаты могли похвастаться обширными, даже грандиозными запасами большинства видов сырья, критически необходимого для промышленного производства. Однако британцы, французы, бельгийцы и голландцы уже в XVII веке смогли расширить свою «внутреннюю» сырьевую базу за счет имперских завоеваний. К концу XIX века каждая из этих стран владела множеством колоний, которые они выгодно использовали и для вывоза важнейшего сырья, и для сбыта произведенных в метрополии товаров. Однако Германия и Япония, поздно начав индустриализацию, с опозданием включились и в эту становившуюся все более яростной борьбу за раздел большей части мира за пределами Европы и Северной Америки. В результате они смогли обзавестись лишь ограниченным

числом колоний (хотя некоторые из них, такие как захваченная Германией в конце XIX века китайская провинция Шаньдун и включенные в состав Японской империи в первые десятилетия XX века Тайвань, Корейский полуостров и в итоге — Маньчжурия, оказались весьма важны с экономической точки зрения). Более того, в ходе этой поздней экспансии немцы и японцы вступили в конфликт с уже сформировавшимися имперскими державами, хотя это и не заставило их отступить.

Вместе с тем для преодоления проблем, связанных с ограниченностью запасов сырья, ни Германия, ни Япония не полагались исключительно на имперскую экспансию. Они активно и успешно развивали внешнюю торговлю в период «первой глобализации» с конца XIX века до начала Первой мировой войны. Однако впоследствии экономические потрясения и деглобализация породили значительные препятствия для внешней торговли, кульминацией которых стало резкое усиление протекционизма во всем мире с конца 1920-х годов. Но все это не отменяет того факта, что сильная зависимость Германии и Японии от зарубежных рынков с самого начала находилась в явном противоречии с их агрессивной воинственностью.

Второй важной альтернативой имперской экспансии стала изобретательность. Она помогала преодолеть сильную зависимость от других стран в поставках не только природных ресурсов, но и, что не менее важно, ресурсов нематериальных, основанных на знаниях, необходимых для промышленного производства. Германия особенно преуспела в этой области благодаря развитию начиная с 1860-х годов первоклассной химической промышленности, выпускавшей заменители импортных красителей, а затем удобрения и другие материалы. Не менее важно и то, что новая промышленность производила совершенно новую продукцию, порождавшую неутолимый спрос, включая красители поразительных новых цветов, никогда ранее не встречавшихся

в природе, а также чудодейственные лекарства, такие как аспирин. В более широком смысле Германия стала пионером в институционализации изобретательности — первой страной, организовавшей взаимодействие государственных учреждений, университетов и промышленности в том, что сегодня известно как «тройная спираль» национальной инновационной системы. Япония в первой половине XX века отставала от Германии в создании собственной инновационной системы, но стремительно развивалась в этом направлении. Более того, японцы доказали, что могут добиваться поразительных результатов в развитии таких разных отраслей, как черная металлургия, судостроение, производство и транспортировка электроэнергии.

После поражения стран Оси в 1945 году Германия и Япония пережили военную оккупацию, в которой особенно важную роль сыграли США и их представители. Одним из наиболее значимых последствий стала фундаментальная переориентация экономической доктрины каждой из побежденных держав, проведенная под опекой и бдительным оком американцев. К 1950-м годам по настоянию оккупантов и при в целом добровольном сотрудничестве лидеров общественного мнения и политиков оккупированных стран Япония и вновь созданная Западная Германия пережили фундаментальную трансформацию, превратившись из государств, ставящих во главу угла обеспечение национальной безопасности, в торговые страны. Закончилась эпоха превалирующего влияния военных с ориентацией на соответствующие передовые технологии, для которой также были характерны высокая социальная напряженность и конфронтационные отношения в промышленности. На смену им пришли приверженность делу мира, низкий уровень социальной напряженности и построенные на консенсусе производственные отношения. При этом основное внимание уделялось торговле, гражданским технологиям и (в целом и до недавнего времени) поступательным инновациям.

После Второй мировой войны и Германия, и Япония добились беспрецедентных успехов в четырех главных областях: реализация потенциала эффективных инновационных систем, где упор делается на прикладные технологии; производство; развитие человеческого капитала через высокоэффективные системы образования и подготовки кадров; координация всего этого через конструктивное (хотя иногда и проблематичное) сотрудничество общественных групп из политики, промышленности, профсоюзов, сферы образования, науки и техники. Неудивительно, что Германия и Япония являются образцами того, что социологи, специализирующиеся на анализе «разновидностей капитализма», назвали координируемыми рыночными экономиками (КРЭ).

* * *

Вскоре после того, как Томас Паркер Хьюз опубликовал в 1983 году «Сети власти» (Networks of Power), свое блестящее исследование об электрификации Германии, США и Великобритании в 1880–1930 годах, я как-то спросил его в неформальной обстановке о сложностях сравнительного исторического исследования. Он ответил, что находит его проведение чрезвычайно трудным, не в последнюю очередь потому, что приходится иметь дело с «вещами зачастую почти одинаковыми, но в то же время очень разными». Так и здесь — и не в последнюю очередь потому, что Германия и Япония, будучи похожими и в то же время разными, имеют прочные двусторонние связи с Соединенными Штатами, служащие каналом для взаимодействия. Таким образом, Германия и Япония во многих отношениях похожи. Но они ни в коем случае не идентичны. Поэтому в моем дальнейшем повествовании возникает напряжение из-за удивительного сходства, но также и поразительных различий, которые характеризуют развитие этих двух стран во второй половине XX — начале XXI века. Одна

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru